

щения, превращаясь в образы-символы, образы-аллегии. Другие словесные образы выполняют изобразительную функцию или становятся художественной деталью, которая включается в «большой» художественный образ.

Отсюда следует, что, используя определённые средства художественной выразительности языка, писатель по-своему их вводит в текст и тем самым создаёт свою, близкую ему по каким-то личностным мотивам языковую картину мира.

Список литературы

1. Аникина А. Б. Значение и смысл художественного слова / А. Б. Аникина // Значение и смысл слова: художественная речь, публицистика. – М. : Изд-во МГУ, 1987. – С. 8–22.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 264 с.
3. Сергеев-Ценский С. Н. Повести. Рассказы / С. Н. Сергеев-Ценский. – М. : Правда, 1987. – 512 с.

References

1. Anikina A. B. Znachenie i smysl hudozhestvennogo slova // Znachenie i smysl slova: hudozhestvennaya rech', publicistika. M. : MSU Publ., 1987, pp. 8–22.
2. Karaulov Yu. N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'. M. : Nauka, 1987. 264 p.
3. Sergeev-Censkij S. N. Povesti. Rassказы. M. : Pravda, 1987. 512 p.

МОТИВ ЛЮБВИ В ЛИРИКЕ РЮРИКА ИВНЕВА

Исаев Геннадий Григорьевич, доктор филологических наук, профессор, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а.

Любовь – всепроникающая тема и один из универсальных мотивов в творчестве Рюрика Ивнева, выступающий в своем конкретном воплощении как любовь к отечеству, к природе, детям, к родным и прежде всего как любовь к женщине в её различных проявлениях: от бескорыстно-идеального, «небесного» чувства до всепоглощающей любви-страсти и наконец – гомосексуальной любви к мужчине. К любви во всех её формах Рюрик Ивнев предъявляет требования высокой ответственности, верности, полного понимания. Нередко любовь звучит у него как символ счастья или добра.

Ключевые слова: Рюрик Ивнев, мотив, любовь, страсть, ответственность, верность, виды любви

LOVE THEME IN RURIK IVNEV'S LYRICS

Isaev Gennady G., Doctor of Philological Sciences, Full professor, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st.

Love is an all-pervading theme and is one of the universal themes in the work of Rurik Ivnev, that finds its concrete expression in love for motherland, love of nature, love of children, love for relatives and, above all, in love for a woman in its various manifestations: ranging from selflessly ideal, "heavenly" feelings to all-consuming love-passion and finally - a homosexual love for a man. Rurik Ivnev strongly believes that love in all its forms requires high responsibility, faithfulness, full understanding. Love in his works is often perceived almost as a symbol of happiness or kindness.

Keywords: Rurik Ivnev, theme, love, passion, responsibility, faithfulness, types of lov

Тема любви в поэзии Рюрика Ивнева длительное время мало интересовала его исследователей. Лишь в последние годы к ней обратились литературоведы Е. Тырышкина [1, 6, 6], В. Кучин [2], М. Новикова и М. Саратова [3], которые стремились показать неоднозначность её решения в лирике поэта. В их работах содержится много верных и глубоких наблюдений, но естественно, что определённые аспекты темы остались изученными недостаточно полно. Следует, видимо, учитывать, что Рюрик Ивнев на протяжении длительного творческого пути менял своё понимание любви. В ранней лирике он выражал характерное для эпохи модернизма изящество формы, в которой игривость сочеталась с порочностью. Для него главная сущность всего – эротизм. Вместе с тем в его любовной лирике постоянно проступает лик Смерти, чувствуется запах тления. Чувственные удовольствия, зависимость от «основного инстинкта», но и неотвратимая смертность человека – вот что Рюрик Ивнев умел передать как никто.

Исходным для Рюрика Ивнева было понимание любви как непреодолимой, охватывающей всего человека и даже весь мир онтологической силы:

*В сердце моём бесновалась, как пума,
Вся ненасытная наша земля.*

*Бурей ворвались извечные страсти,
Полосовавшие совесть людей,
И унесли корабельные снасти
Пришвартовавшейся жизни моей.*

*Мог ли я думать, что мир это разум,
Что существует на свете любовь,
Если сознание обуглилось разом,
Испепеленная замерла кровь? [4, с. 64].*

Любовь – это образ духовного единства двух начал, единение противоположностей. Главной целью подлинной любви является преодоление двойственности и разъединенности, которое предполагает отречение от собственного «Я». В то же время любовь – это конфликт, противостояние (говоря словами поэта, она «поединок роковой»), неизбежно сопутствующий этому процессу. Она неразрывно связана с героическим началом, и в этом контексте нередко выступает как одно из испытаний героя – это высшее из чувств, и оно не всем под силу. Любовь – награда для героя, который заслужил ее своим поведением.

Отношение Рюрика Ивнева к женскому полу было достаточно полярным: красота для него отождествлялась со смертельной опасностью. Женщина в её тотальной изменчивости – это западня для мужчины. Она одновременно святая и потаскуха, наркотик, страдание, человек... Человек, сводящий с ума...

Лирический герой лирики Рюрика Ивнева принадлежит к архетипу творцов. Это мужчина, в котором сильнее всего проявлена чувственность, которая проявляется и в творчестве. Это человек, обладающий богатой фантазией, умеющий очаровываться новыми возможностями и устремляться вслед за мечтой. Он умеет создавать новое, умеет выражать и вызывать нужные ему эмоции. Он мечтателен, романтичен и способен на красивые жесты. Такой мужчина абсолютно равнодушен к бытовым мелочам, ему не важно, где спать, что есть, во что и как он одет, но ему необходима чья-то забота. Он щедр и скуп одновременно. В его жизни царит творческий беспорядок, но только среди этого творческого беспорядка рождаются прекрасные произведения искусства. Он воспекает женщину, но ему трудно ее обеспечить. Он готов посвятить ей всю жизнь, но вряд ли сможет построить для неё дом. Он живёт в воображаемом мире, оторванный от реальности, и это позволяет создавать ему новые миры. Но чтобы эти миры превратились в реальность, ему нужен кто-то, кто откроет их и сможет воплотить в жизнь все его фантазии.

Мужчина ищет ту энергию, которая дополняет и усиливает его. Творческий мужчина, в котором чувства в избытке, не осознавая этого, ищет архетип женщины, в коей преобладает практичность и логичность, им важно видеть в спутнице хозяйку. Такие женщины умеют создавать уют, поддерживать чистоту, вкусно готовить и разумно вести хозяйство. Такие женщины основательны и спокойны, сдержанны в проявлении своих чувств. Они ухожены и элегантны. Умение все спланировать и организовать приводит к тому, что они становятся лидерами в семье. Но мужчины-творцы спокойно передают им бразды правления, занимаясь творчеством и не заботясь о бытовых мелочах. Часто проблема в том, что такие женщины всё равно ищут сильных и успешных мужчин, в ком проявлены похожие энергии, не понимая, почему такие мужчины не обращают на них внимания. Королевы-хозяйки не хотят тратить своё время на многообещающих художников и писателей, не понимая, что только их усилия и делают этих мужчин знаменитыми. Лишь женщина помогает мужчине достичь тех вершин, которые предначертаны ему судьбой. Идеал женщины сформировался у Рюрика Ивнева под влиянием матери, которую он безгранично любил и уважал. Ещё К.Г. Юнг утверждал, что именно мать первая питает тот образ души, который мужчина предположительно проецирует на женщину, переходя от матери к сестре и наконец к любимой. Поиски подобного идеала лирическим героем проходят через все творчество поэта.

Бескомпромиссность лирического героя, представление о любви как о высшем и потому неосуществимом идеале в свое основе драматичны. Но Рюрик Ивнев не останавливается на абсолютном противопоставлении несовершенной реальной и неосуществимой идеальной вечной любви. В творчестве 1930–1980-х годов он использует, в частности, воскрешённый символизм и восходящий к поэзии трубадуров культ любви как высшей, почти религиозной ценности.

Следует принять во внимание и контекст советской культуры, под влиянием которого у Рюрика Ивнева происходит трансформация образа земной любви. Она идеализируется, хотя и не лишается полностью эротического подтекста. Воспевая разные грани любви (любовь к женщине, любовь к матери, любовь к природе, любовь к жизни и др.), Рюрик Ивнев подчёркивает, что любовь способствует прозрению, помогает раскрыть человеческую сущность, увидеть главное. Нет убедительности в поношениях, и нет истины там, где нет любви, считает поэт. Он замечает, что любовь есть не что иное, как утверждение бытия в его полноте и утверждение бытия на вечность. Подобная философия содержится, например, в стихотворении «Поцелуй», в котором поцелуй – выражение привязанности, любви, страсти:

*Как тонкий лёд ломаются планеты.
Мы падаем на дно, но всё равно –
Твой поцелуй, как ураган рассвета,
Врывается в разбитое окно.*

*Нет ничего. Кругом – пустыня, бездна,
Но поцелуй, как чудо из чудес,
Разрушив остов логики железной,
Тебя возносит до самих небес.*

*Их нет уже, как нет земли и злаков,
Нет ничего – ни волн морских, ни трав,
Но поцелуй выходит вновь из мрака,
Дыша любовью, смертью смерть поправ.*

*Волшебней снов придумать невозможно,
Как дух природы гневом ни бичуй.
Средь шумных пиршеств и глуши таежной
Живешь лишь ты, бессмертный поцелуй [4, с. 571].*

Любовь как методологический принцип. Рюрик Ивнев выдвигает любовь в качестве методологического принципа, предлагая с любовью взглянуть в Россию, чтобы понять её сущность, определить её ценности. Следуя русской традиции понимания любви, он слагает в её честь торжественный гимн. Определяя место и значение любви в жизни человека, Рюрик Ивнев подчёркивает, что, если у человека есть всё, но он лишён любви, значит, у него нет ничего. И добавляет: «Если ты когда-либо был счастлив, то это было из-за любви. Если ты сейчас несчастен, знай: это от недостатка любви». Поэт подчёркивает, что любовь — это избранность. Истинная любовь всепоглощающая, «тоталитарна», это искра Божия в человеке. Любовь — дар от Бога и природы. Она сама в человеке просыпается и им овладевает. Задача, по мнению поэта, заключается в том, чтобы превратить это «пробуждение природы» в «посещение Божие». Любовь — главная сила в жизни, главная творческая сила человека. Она обязательно должна быть одухотворена, ибо без духовности любовь слепа, своекорыстна и подвержена опошлению. Определяя специфику русской культуры, Рюрик Ивнев неоднократно подчёркивал, что это культура сердца: «Когда я произношу простое и живое слово "сердце", я напоминаю тем самым о самой лучшей и самой точной мерке русской души и русской культуры».

Отечественный поэт, с точки зрения Рюрика Ивнева, поднимается до истинных высот именно как мыслитель, созерцающий сердцем. Там, где этого не требуется, он скучает или все же привносит любовь, поэзию, созерцание, красоту и религиозное чувство в предмет исследования. Чтобы выносить что-то и создать, нужно чувствовать, любить и созерцать. Рюрик Ивнев считает, что созерцание сердцем в качестве первостепенного составляющего простирается на все области культуры: религию, изобразительное искусство, литературу, науку. Русская культура построена на чувстве и сердце, на созерцании, свободе совести и молитвы. Они являются первичными силами и установками души. Российская самобытность раскрывается через свободно и предметно созерцающую любовь и определяющуюся этим жизнь и культуру. Культура без любви — мертвое, обреченное и безнадежное дело. Всё великое, что было создано человеком, было детищем созерцающего, любящего и поющего сердца. Всё бесчувственное и бессердечное отвергается как нечто мёртвое и ложное. Милосердие в истории России рассматривалось как высшая ценность и практиковалось русскими царями. Оказался ли человек в беде: весеннее половодье, эпидемия, голод, война — во всех слоях общества пробуждается живое братство и готовность к самопожертвованию.

Доброту, духовность, сердечность, созерцательность, глубину чувств — качества, определяющие российскую самобытность, — поэт связывает с женской темой. Рюрик Ивнев показывает, что прекрасные женские образы воспе-ли в своих творениях А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, Н.А. Некрасов. Эти образы заслуживают восхищения. В них темперамент проявляется в интенсивности воли и духа. Любовь у них одна — верная, судьбоносная, потому что открытая, с полной отдачей. Инстинкт тонкий и безошибочен, разборчив и дальновиден, воля предприимчива, воображение художественно, с большим вкусом. Рюрик Ивнев добавляет, что такие женщины становятся хранительницами веры, образцом преданности нации и культуре, резервуаром национальной мощи. Лирический субъект «неистово» зовет такой образ женщины, созданный русским классиком:

*Лиза! Вспомни дни минувшие,
Улыбнись сквозь слёзы мне.
Где ты, счастье, вмиг разрушенное
И сожжённое в огне?*

*Дай мне силы тяжесть выдержать,
Боль души перенести
И к таинственному Китежу
Путь неведомый найти.*

*В тихих сумерках сиреневых,
Опустившись на траву,
Образ, созданный Тургеневым,
Я неистово зову [4, с. 184].*

Любовь к матери. Особого внимания, по мнению Рюрика Ивнева, заслуживает образ матери, в которой воплощается этический идеал поэта. С ней связано представление о совершенной личности и с безусловными для деятельной и пылкой натуры ценностями – ощущением полноты бытия, силой мысли, напряжением воли, жадной познания и действия. Став взрослым, лирический герой по-прежнему живёт воспоминаниями о матери, обращается к ней с молитвой о возвращении из иного мира (сонет «Матери»):

*Явись ко мне сквозь тысячи миров,
Сквозь вихри звёзд и лунные покровы,
Сквозь гущу огнедышащих костров,
Сквозь тьму веков и плит многопудовых.*

*Явись ко мне, бредущему без крова,
Сквозь пустыри обледенелых строф,
Сквозь горьких слов, что создал Саваоф,
Явись во имя самого святого.*

*Я жду тебя в душевном озаренье,
Как первый взлёт младенческой весны,
Как музыку, как счастье, как спасенье,
Как веточку неведомой страны.*

*И все печали, боли, наважденья
Твоей улыбкой будут сметены [4, с. 188].*

Любовь к матери для лирического героя – опора всей его жизни, единственное, на что он может положиться даже теперь, когда её нет на этом свете:

*Я как никто, а может быть, как все,
Зову любовь – последнюю опору
Заведомо несбыточной мечты.
И снова лихорадочному взору
Являешься, не умирая, ты [4, с. 181].*

Лирический герой просит мать о невозможном и, понимая это, умоляет её «природным силам вопреки» дать сигнал о своём присутствии:

*Не мучь меня, о солнце золотое!
Багряные лучи не посылай...
Я в детстве видел самое святое,
Верни его, отдай его, отдай!*

*Пусть это возвращенье невозможно,
Но ты, природным силам вопреки,
Пошли мне снова к этот день тревожный,
Пожатье материнское руки [4, с. 180].*

Горе лирического героя после смерти матери поистине безмерно:

*Первым встречным я хочу кричать,
Заглушая скрежет вьюги стоном:
– Без меня похоронили мать
На одном из кладбищ Апишерона.*

*Улыбнитесь мне хотя б на миг
Иль откройте собственное горе,
Чтоб к чужим, как к близким, я приник,
Как к своей единственной опоре [4, с. 169].*

В стихотворении «Мать» лирический герой ощущает себя целиком созданным матерью, он не представляет, как он будет жить без неё:

*Любимая, не уходи... Постой!
Ты для меня всегда была святыней.
И на пути, завещанном тобой,
Как в раннем детстве, я стою поныне [4, с. 151].*

Боль её утраты постоянно живёт в его сердце, мать по-прежнему – самое дорогое в его жизни. Образ матери не потускнел от времени, он по-прежнему светит лирическому герою ярче самой яркой звезды:

*Туманом всё заволочло:
И мрамор стен, и красный бархат кресел,
Надменных люстр гранёное стекло,
Слова любви и задушевных песен.*

*Лишь образ матери не потускнел,
Он светит мне, Путь затмевая Млечный,
Горя звездой среди небесных тел,
Пылая ярче с каждым днём ушедшим [4, с. 252].*

Проезжая через город Кутаиси, в котором родилась его мать, он снова клянётся в любви к ней:

*Седую голову склоняю ныне я
Пред кутаисскою твоей колыбелью,
По-прежнему тебя одну любя
Сильней всех бурь и огненных метелей [4, с. 254].*

Мать, преображая мир своей любовью, способна на чудеса – говорить со своим сыном с того света:

*Говорят, что нет чудес на свете,
Но не чудо ль это из чудес,
Что сквозь гул несущихся столетий
Слышим мы биение сердец?*

*Слышим даже шепот приглушенный,
Шелест листьев и засохших трав,
С давних пор дыхания лишенных,
Но воскресших, смертью смерть поправ.*

*Нет тебя, но ты со мною вечно.
И, любовью мир преобразя,
Говоришь ты, как всегда сердечно,
И тебя не чувствовать нельзя [4, с. 279].*

Любовь-страсть у Рюрика Ивнева всегда окрашена в драматические тона, поскольку лирический герой даже на уровне подсознания ориентируется на христианские традиции понимания сферы сексуальности, которая характеризуется посредством категорий греховности, хаотичности, деструктивности. Во власти стихии неуправляемой страсти лирический герой предстает в стихах конца 1910-х – начала 1920-х годов:

Особенно примечательно стихотворение «Ночная чайная», в котором тема гомосексуальной любви предстаёт крупным планом: лирический субъект не может противиться магии коллективного бессознательного неуправляемой толпы:

*Голосом хриплым и пропащим
Он пел о нежности неземной.
Вот она, любовь настоящая,
Пришла и сказала: иди за мной.*

*Под скрип голенищ, и сутолоку.
И ругань пунцовых ртов
Мне стало вдруг хорошо и жутко,
Как мёртвому среди льдов.*

*Он кричал языком горячим,
Славя тех, кто по крови вор.
Душный пар из китайской прачечной
Застилал помутневший взор.*

*Заря ещё не слепила очи.
Но я ослеп от глаз и губ.
И вот, прилепившись к толпе всклокоченной,
Иду – как дерево шло бы на сруб [4, с. 72].*

Рюрик Ивнев отмечает присутствие в душе и крови человека «странного, жгучего, вечного таинственного огня», который он называет «сумерками любви». В традиционном символизме сумерки характеризуются отсутствием определённости и амбивалентностью, а потому тесно связывается с пространственной символикой объекта, взвешенного между небом и землей. Он также ассоциируется с западом, местоположением смерти:

*О, этот странный, жгучий, вечный
Огонь таинственный в крови.
С какою болью бесконечной
Слежу за сумерками любви.*

*Они все жестче и все круче,
Они все упорней и все темней.
И вот сплошной тяжелой тучей
Над головой скользят моей.*

*Чего же ты смотришь, мой друг сердечный,
Улыбкой душу мне оживи.
С какою болью бесконечной
Слежу за сумерками любви [4, с. 70].*

Лирический субъект стихотворения, с точки зрения символизма, характеризуется сухостью. Это знак принадлежности к мужскому полу, страсти, преобладания стихии огня. Человек с «сухой» личностью, в противоположность внешнему впечатлению в действительности чрезвычайно страстен.

Это подчёркнуто в финале стихотворения обращением к «другу сердечному» с просьбой улыбкой оживить душу субъекта речи. Его состояние души психологически выражается в виде определённых эмоций, сравнимых с одной из музыкальных тональностей – неистовой, страдательной, эротической.

Второй важнейший образ стихотворения – образ огня. Гераклит называл огонь «деятелем превращений», поскольку все вещи возникают из огня и в него возвращаются. Это семя, воспроизводимое каждой последующей жизнью и поэтому связываемое с либидо и плодovitостью. На оси огонь – земля огонь является символом энергии, которая обнаруживается на уровне животной страсти. Как указывает М. Элиаде в «Мифах, сновидениях и мистериях» (Лондон, 1960), прохождение через огонь символизирует выход за пределы человеческих возможностей [6].

Гомосексуальная любовь предстаёт в стихах Рюрика Ивнева как наваждение, с которым лирический субъект не имеет сил справиться. Амбивалентность этого вида любви проявляется и как неудержимая любовь-страсть и просто как «судороги» без волнения:

*Опять пришла незваная любовь.
И, вспоминая горькое похмелье,
Я ей кричу: «Оставь в покое кровь,
Не лей обворажающего зелья».*

*Она ж, глуха, сжимает всё сильнее
Мое изнемогающее сердце.
И вижу я – не совладаю с ней,
И чувствую, что некуда мне деться.*

*Склоняю голову покорно. Так быки
Удара ждут, не шевелясь на бойне.
И песню лебединую тоски
Пытаюсь я в жару пропеть спокойно.*

*Но нет покоя и волнения нет.
Лишь судороги царствуют, как Цезарь.
Так сизый голубь бьётся среди тенет,
Так в адском пламени кипит железо [4, с. 711].*

Тем не менее, в некоторых стихотворениях такая любовь прославляется, звучит призыв «сжигать себя на пламени любви»:

*Жестокосердия палящий ветер, вей,
Кривой кинжал, кривой изгиб бровей.*

*Несись на парусах в страну Огня,
Где даже ночь светлей и ярче дня.*

*Где больше пепла, чем самой земли,
Но ты и там пощады не моли.*

*Сжигай себя на пламени любви
И прошлого напрасно не зови [4, с. 71].*

Лирический герой с горечью вынужден констатировать, что такая любовь не даёт подлинного счастья:

*Кто наблюдал печальный образ счастья,
Кто постигал изнанку нежных ласк,
Кто, позабыв невзгоды и ненастья,
Своим путём стремился в свой Дамаск?*

*И я познал средь страшных содроганий,
В неуспокаивающейся тиши,
Бессмысленность достигнутых желаний
И холод ошастливленной души [4, с. 75].*

Как не основная тема однополой любви будет присутствовать в творчестве поэта ещё долгое время, давая о себе знать системой намёков («Архангельск», «Сонет», «За окном бесконечная выюга...», «Кто понять эти чувства сможет...», «Пусть мечут громы и молнии...», «Ты знаешь всё»). В творчестве 1960–1970-х годов она полностью исчезает.

Любовь к женщине присутствует в лирике Рюрика Ивнева всегда через восприятие и судьбу лирического субъекта, с образом которого связан универсально-метафизический план. Появляется такой уровень философской обобщённости, который равнозначен ей по своему онтологическому «рангу». Образуется лирико-символический «второй сюжет», возносящийся над фабульным действием и вместе с тем неразрывно с ним связанный. Его формирование придаёт центральному конфликту «двойное освещение», двойной угол зрения на него – сквозь индивидуальное, социально-типовое просвечивает общенациональное, всечеловеческое. Перспектива осмысления характера и судьбы героя оказывается неограниченной. Драма личности, соотнесенная с локальной ситуацией, предстает вместе с тем одним из проявлений всемирного кризиса, достигшего той стадии, когда распадение первоначальной связи человека с обществом и природой начинает приобретать катастрофический характер. И тут же улавливается намёк на «последнюю тайну» человеческого существования – тайну роковой «промежуточности» самой природы человека, причастного и «земле» и «небу», но в то же время не принадлежащего всецело ни одной из этих сфер. Все эти уровни совмещаются в объяснении человеческой неприкаянности, но не образуют замкнутой системы: драматическое содержание образа перерастает любые мотивировки в неопределённую (и потому беспредельную) глубину:

*Как случилось, что мы не поладили
И разрушили дружбу и кров?
Эту муку во веки веков
Не смягчить никакими тетрадями
Даже самых прекрасных стихов.*

*Дни проходят в смятенье, без отдыха,
О безвыходном горе твоя,
Все зачатки надежды губя.
Задыхаюсь я, как без воздуха,
На цветущей земле без тебя [4, с. 268].*

Стихам Рюрика Ивнева о любви, как заметили критики, «свойственна вдохновенная растерянность, спонтанность. Поэт теряется в проулках и тупиках жизни, но потеряв, утратив будничные обывательские цели, обретает взамен счастье творчества и первозданную красоту мира». В драматических финалах любви лирический герой склонен обвинять только себя:

*Если б чудо свершилось и вы бы воскресли –
Все, кто жить без меня не хотел и не мог,
Что ответил бы ваш постаревший ровесник?
Я бы только взглянул вам в глаза и умолк.*

*Нет! Не смог бы взглянуть я в глаза, по которым
Тосковал при разлуке и плакал навзрыд,
Чтоб не пасть, как от пули, от жестких укоров,
Тяжелей и убийственной возгласа: «Брут!»*

*Я не буду тревожить пластов оправданий,
И лазеек ума, и всеобщий закон,
Если б мог я забыть уссурийские сани,
Синий воздух Ликани и поступь времён.*

*Сам себя обвинивший, я стал бы пред вами,
Я не знаю, как всё это произошло:
То огромное счастье, что ждал я годами,
Всё затмив, надо мною, как солнце, взошло [4, с. 281].*

Романтический пафос стихотворений Рюрика Ивнева, при всей отвлечённости его философской проблематики, не только субъективно искренен, но и объективно правдив. Это романтика «чудесного» и «таинственного», начинателем которой был в русской литературе Жуковский. У Рюрика Ивнева она представляет собой эмоциональное стремление найти какие-то возвышенные, духовные, нравственные ценности – ценности сверхличные, противостоящие всему узколичному, эгоистичному, корыстному, низменному, очищающие и облагораживающие самосознание личности (стихотворение «Под вишнею» [4, с. 215]).

У Рюрика Ивнева любовная тема пронизана мотивами страдания – неудачи, неисполнимости связанных с этим чувством надежд. Неразделённая любовь с самых ранних стихов и на протяжении всего творчества выступает как лейтмотив наряду с темой страдания от обманчивости всей жизни. Как истинная, так и мнимая вина для героя служит неизбежным источником страдания в любви:

*Зачем же думать о невзгодах наших
И неосуществившейся любви,
Зрачками воздух пей из синей чаши
И звёздной пыли отсветы лови [4, с. 106].*

«Временность» любви может переживаться лирическим героем как трансцендентное мгновение, за которое не жалко отдать и вечность. «Вхождение» вечности в жизнь через любовь дается и трактовкой любви как припоминание:

*Всё, что было, даже слово злое
Вспоминаю, как янтарный мёд.
Боже мой! С какою быстротою
Жизнь прошла, и я уже не тот.*

*Но в тоске протягиваю руки
К той душе, что всё ещё жива,
Ей дарю оставшиеся муки,
Ей дарю последние слова.*

*Есть у каждого своя Цусима,
В жизни каждый испытал Седан,
Но горит огонь неугасимый
В сердце, изнывающим от ран [4, с. 98].*

Как бы ни были важны «вечные темы» и мировоззренческие ассоциации, связываемые в творчестве Рюрика Ивнева с любовью, все они в своём конкретном проявлении коренятся в своеобразии художественно-психологической трактовки любви у Рюрика Ивнева. В отличие от других поэтов, в лирике поэта любовные мотивы никогда не разрабатываются как самодовлеющие. Любовная тема неизбежно вторгается в стихи, ставящие

коренные вопросы жизни. При этом Рюрик Ивнев воссоздаёт не столько непосредственно переживаемый момент любовного чувства, сколько поэтико-философскую рефлексию над ним, чаще даже над воспоминанием о нём. Поэтому тема чувственной любви представлена мало. Несравненно более важную роль играет уровень изображения, который можно определить как чувственно-символический, когда в качестве символов любви выступают восприятия и ощущения. Одним из обычных символов такого рода служит огонь (сияние) и лазурный (синий, голубой) цвет, появляющийся у Рюрика Ивнева в воспоминаниях о влюблённости:

*И, от радости чуть-чуть робея,
Вспоминает многое душа.
О, как ясно небо голубеет,
О, как эта осень хороша!*

*Я кидаюсь к ногам твоим, облитым кровью.
Я кричу, как в падучей, я бьюсь пред тобой.
Перед этой безмерной, бессмертной любовью
Гаснет неба простор голубой.*

*Песня счастья, пусть ты не допета,
Но тебя лучезарнее нет.*

*«Не глаза, а пропасть голубая», -
С верой в счастье повторяю я:
Да святится молодость твоя!*

*Все вдаль ушло, а небосвод и ныне
По очереди нам шлет и свет и тьму,
Такой же черный и такой же синий,
Никак не поддающийся уму.*

*Но слова живут, не умирая,
Непроизнесённые слова.
Как молитва, как дыханье мая,
Как небес далёких синева.*

Символика цвета и звука (голоса) комбинируются в описании пейзажа как фона для любви или в поэтических портретах:

*Вижу птиц синеющую стаю,
Прорезающую облачные дали.
Неужели чувства воскресают?
Да они совсем не умирали.*

*Снова краски вспыхнули, как пламя.
Даже статуя могла б зашевелиться
От всего испытанного нами,
Что мы отразили на страницах.*

*И опять как будто всё впервые,
И опять, как будто в день рожденья,
Лошади несутся скаковые
Первых чувств и первого волненья [4, с. 99].*

Эта взаимопроникновенность чувственно-символического уровня в обрисовке душевных проявлений не позволяет его отграничить от более глубокого, характерологического плана в изображении психологии любви у Рюрика Ивнева, когда также выступает свойственное его героям сознание своей исключительности, их призвание властвовать в любви.

Любовь у Рюрика Ивнева нередко проявляется в целом комплексе чувств и порывов, таких, как восхищение, благодарность. Она может быть осуществлением всегда жившего в душе идеала, но любовь – это и прибежище от одиночества.

В зрелой лирике любовь, даже отвергнутая, выступает как светлое, одухотворяюще-нравственное начало:

*Пусть всё пройдёт, и нас с тобой не станет.
Моя любовь вовеки не увянет.
И, слившись с солнцем в синей вышине,
Она природу мудрую обманет
И вновь пройдет сквозь толщу лет ко мне [4, с. 656].*

В стихах последних лет интеллектуалистическая рефлексия, осмысление драматического развития любовного чувства сменяется (хотя и не исчезает совсем) тенденцией к «внеличному» обобщению идеи любви. Лирическая сущность и смысл любви как бы освобождаются от всех случайностей индивидуальной судьбы:

*Есть в жизни каждого один ужасный час,
Его знавали скифы и Эллада,
И от него не отрывали глаз
Ни Вавилон, ни Фивы, ни Гренада.*

*И нет такой пустыни на земле,
Где б не стоял он, точно вещий призрак,
Безмолвно копошащийся в золе,
Как будто силясь дух усопших вызвать.*

*То – час безмолвия, когда в душе у нас
Надежда рушится, как колоннада,
Когда любви последний луч угас
И нам от жизни ничего не надо.*

*Тогда осознаём мы чуть дыша,
Что чем любили глубже и полнее,
Чем окрылённее была у нас душа,
Тем этот час разит сердца больнее [4, с. 85].*

Излюбленная антитеза Рюрика Ивнева – Любовь и Разум. За этой антитезой стоит противопоставление чувственного и разумного начала. Программным можно считать стихотворение «Пусть это будет для лирика грубо...», в котором прозвучало:

*Мог ли я думать, что мир это разум,
Что существует на свете любовь,
Если сознание обуглилось разум,
Испепеленная замерла кровь? [4, с. 64].*

Восхваление любви – основа всей этической системы поэта, его понимания Добра и Зла, обличения несправедливости, но и философского примирения с превратностями судьбы:

*Легче этого быть не может.
Всё проходит. Луна и чума.
Так проходит ветер по коже,
Так проходит любовь сама.*

*Я смотрю на нее, как на поезд,
Удаляющийся от меня.
Ах, теперь всё совсем другое.
Ночь и белая пряжа дня.*

*Может быть, и душа отлетела,
Но, как видно, на смену ей
Точно кожица зарозовела
Другая – ещё нежнее [4, с. 73].*

Над всеми противопоставлениями, полюсами и антиномиями стоит образ возлюбленной, источника нетленной человеческой красоты и любви к роду человеческому. С женщиной лирический субъект Рюрика Ивнева связывает такие качества, как душа, интуиция, эмоции и эмоциональное непостоянство, пассивность и подсознательное, любовь и чистота:

*Несись на парусах в страну Огня,
Где даже ночь светлей и ярче дня.*

*Где больше пепла, чем самой земли,
Но ты и там пощады не моли.*

*Сжигая себя на пламени любви
И прошлого напрасно не зови [4, с. 71].*

Он пишет о поистине космическом значении любви. В необозримой вселенной, в которой люди несутся песчинками, словно самум, «звездой путеводной нам служат горячие гроздья любви»:

*Ещё до рожденья звездой путеводной
Нам служат горячие гроздья любви,
На торжищах людных, в пустыне безводной,
На дне подсознания, в душе и в крови.*

*И мы, повинясь магической силе,
Несёмся песчинками, словно самум.
Становимся сами мифической пылью,
Не мысля опомниться, взяться за ум.*

*Несёмся мы бурей и буре подобны.
Никто мы и все. Нет для нас аксиом.
Мы солнце Вселенной и хаос загробный,
Но гроздьям любви мы послушны во всём.*

*И в этом чудовищно-быстром движении,
Медлительно-долгом, спокойном на вид,
Быть может, мы только твоё отраженье,
Звезда путеводная первой любви [4, с. 324].*

О неодолимой, космической силе любви Рюрик Ивнев пишет и в стихотворении «Я ломаю руки...» [4, с. 326].

В любви Рюрик Ивнев видит что-то роковое. Отсюда параллель с мотыльками, которые «с гипнотическим упорством» вступают в единоборство с «разрушительным огнём»:

*В этом взорванном покое,
В их движениях слепых
Вижу что-то роковое,
Что сильнее жизни их.*

*Не с такой ли силой к счастью
Мы стремимся, не виня
Ни щемящего ненастья,
Ни палящего огня!*

*И, захлебываясь, гибнем
В расплескавшейся крови,
Растворяясь в вечном гимне
Торжествующей любви [4, с. 166].*

Лирический герой способен на самую безмерную любовь. Ему нередко приходится переживать горечь утраты любви. В «Бакинском утре» лирический герой предстает именно в таком состоянии:

*Поезд тихо подходит к перрону
Ранним утром бакинского дня,
Но, как прежде с улыбкой влюблённой,
Ты уже не встречаешь меня.*

*Что мне делать? Не знаю я, где ты,
Навсегда ли затерян твой след.
Песня счастья, пусть ты не допета,
Но тебя лучезарнее нет.*

*Я иду, как и все, деловито.
И не может никто отгадать,
Что на сердце, от взоров сокрытом.
Затаенного горя печать [4, с. 170].*

Тема утраты любви как «безвыходного горя» звучит и в стихотворении «Как случилось, что мы не поладили...»:

*Как случилось, что мы не поладили
И разрушили дружбу и кров?
Эту муку во веки веков
Не смягчить никакими тетрадами
Даже самых прекрасных стихов.*

*Дни проходят в смятенье, без отдыха,
О безвыходном горе трубя,
Все зачатки надежды губя.
Задыхаюсь я, как без воздуха,
На цветущей земле без тебя [4, с. 268].*

В стихотворении «В дороге» лирический герой страдает по причине того, что его муки из-за потерянной любви никого не волнуют:

*Где конец блаженства, где начало,
Где огонь и где мертвящий лёд?
Тк мечту, что в сердце просверкала,
Без ошибки кто мне назовёт?*

*Поезд мчится, как осатанелый,
Может быть, весь в ранах и крови,
Но ему нет никакого дела
До моей потерянной любви [4, с. 374].*

Любовь всегда связана со страданием, мукой, утверждается в стихотворении «Не говори»:

*Кто обладал сокровищем таким?
Я спрашивал друзей. В ответ ни звука,
И от сознания, что я был любим,
Короновал я собственную муку [4, с. 374].*

Очень часто лирический герой предстаёт в ситуации разрыва с женщиной, осознавая в то же время, что не может жить без неё:

*Разлуки ад, в котором есть лекарство.
Но как мне быть, как быть с моей судьбой?
Как древний царь, отрёкся б я от царства,
Чтоб быть с тобой и чтоб дышать тобой.*

*Но быть с тобою больше невозможно,
А без тебя невыносимо мне жить.
С горячей болью и тоской острожной
Мне остаётся только воровать.*

*Судьба! Судьба! Корабль остервенелый,
Несись к звезде по волнам неземным.
Своё неоощуемое тело
Могу ли я назвать теперь своим? [4, с. 642].*

Лирический герой чутко откликается в своей душе на те характеристики женщины, которые он случайно услышал. Эти слова стали родными для него:

*«Не глаза, а пропасть голубая, -
Как сквозь сон услышал где-то я.
И склоняясь тихо повторяю:
«Не глаза, а пропасть голубая».
И к душе неведомой взываю
Да святится молодость твоя!*

*Ах, ничто не ново под луною,
И огонь, ни искры от огня,
И слова, открытое не мною,
Стали вдруг родными для меня.*

*«Не глаза, а пропасть голубая», -
С верой в счастье повторяю я:
Да святится молодость твоя! [4, с. 171].*

Лирический герой убеждён, что «живой наш живительный воздух / Пронзают секунды, секунды любви». Но они несутся со «слепой неразгаданной тайной», несмотря на то, что человечество знает «так много». Тайна любви по-прежнему остаётся тайной за семью печатями:

Лирический герой к исходу жизни находит единственно верную, как ему кажется, формулу счастья. В стихотворении «Мираж» субъект речи медитирует именно об этом:

*Я всё забыл: и Рим и Фермопилы,
Концерты Скрябина и университет.
Слежу сквозь дрему за улыбкой милой,
И мнится мне, что лучшей в мире нет.*

*Всё позабыто – детство, смех, и слёзы,
И золотые переплёты книг,
Каспийский ветер, карские морозы,
Мираж любви – и ты уж старик.*

*Не надо ни имён, ни хронологий,
Ни сожалений, ни надежд пустых.
Вся жизнь твоя – в сегодняшнем итоге,
В сегодняшних волнениях твоих.*

*Не в этом ли единственное счастье,
Чтоб всё забыть и помнить только то,
Что ты – частица первобытной страсти
И древа жизни трепетный листок? [4, с. 174].*

Высшая любовь в понимании Рюрика Ивнева – не мистически окрашенное восприятие мира, но и не обыкновенная плотская любовь. В 1979 году он опубликовал стихотворение с программным названием «Падение любви», в котором критически изобразил оскудение любви и страсти как «дикий маскарад / Жизнью необузданных страстей» в конце XX века [4, с. 224].

Подлинная любовь, по мысли Рюрика Ивнева, всегда несёт в себе мятеж, её нельзя сводить к арифметике, она не терпит приземления и удаляется «в небесные глубины», чтобы оттуда, вспомнив «прежнюю силу и страсть», «трепещущим телом, а не мёртвою птицей упасть». В стихотворении «Пусть промчится столетий двадцать...» лирический герой заявляет:

*Мы не знаем, за что нам взяться,
Чтобы время остановить.
Пусть промчится столетий двадцать,
Но должны мы себе признаться:
Арифметики нет у любви.*

*Пусть любовь, как подбитая птица,
Дух мятежный не в силах спасти,
Но не хочет она приземлиться
И в небесные глубины летит.*

*Чтоб в краю ослепительно белом
Вспомнить прежнюю силу и страсть
И оттуда трепещущим телом,
А не мёртвою птицей упасть [4, с. 346].*

В лирике 1960-х годов у Рюрика Ивнева наблюдается поистине космический подход к интерпретации темы любви. В «Песчинках» он продолжает мотивы предыдущего стихотворения:

*Как две песчинки, в дымном сне Вселенной
Мы на мгновенье встретились с тобой.
Да будет жизнь твоя благословенна,
Неведомый, желанный спутник мой.*

*В твоих глазах, в которых небо с морем
Слились в один сверкающий поток,
Узрел я всё, что побеждает горе,
И то, чего достигнуть я не смог [4, с. 269].*

Лирический герой ощущает глубокое родство с природой, которая соучаствует в таинстве любви:

*Быть может, мы со мною вместе бредим.
Как звёзды в небе, в памяти горят:
Осенний лист расцветки старой меди,
Озёра глаз, ночных деревьев агат.*

*Лес словно в сказке. Каждый лист стонет
И говорит: вернись, вернись любовь,
Здесь, в тишине, тебя никто не тронет,
И это чувство ты познаешь вновь [4, с. 368].*

В «Тайне» поэт продолжает медитировать о том, что такое подлинная любовь:

*Кто разгадает эту тайну,
Из тайн незримых состоящую,
В которой все необычайно
И скрыто счастье настоящее?*

*Пред ней ничтожно всё: искусство,
Благополучие, величие,
Ведь самое святое чувство
Сильней закона и обычая.*

*Оно чудесной силой создано,
И суждено оно не каждому,
Ведь, как пайки, оно не роздано
По снисхождению бумажному [4, с. 371].*

Подлинная любовь, по Рюрику Ивневу, – выражение гуманистического идеала, более всего приближающееся по духу своему к Платоновскому эросу: высшая гармония мира, идея, воплощённая в его стихах в образах зримых, чувственных, нежных, но и подчас нарочито шероховатых, «неотполированных».

Заключение. Поэтическая система зрелого Рюрика Ивнева отличается пантеизмом и гуманистическим поклонением человеческому сердцу как высшему благу. Тема борьбы света с тьмой стала содержанием всей этической системы поэта. Поэт выдвинул универсально-философскую идею любви как движущей силы общественного развития, концепцию «власти сердца». В его поэзии наблюдается попытка проанализировать сложное чувство любви, постичь его

значение в человеческой жизни. Рюрика Ивнева можно считать поборником утонченной любви к женщине, любви, которая при всей своей идеальности и возвышенности, знает и плотские радости. Поэт нередко описывает любовь как сладостную болезнь, как некое наваждение, как нечто внезапное и необъяснимое. Но реальные радости и горести любви не проходят для него стороной. Он знает и жаркий трепет обладания, и печаль потери. Если в дореволюционной лирике (сборник «Самосожжение») поэт пытался найти центр вселенной в Боге и отношениях с ним, то в 1930–1970-е годы он самоутверждается через любовь («неугасимая любовь») и красоту («гипноз красоты»). Приходит осознание того, что всё в тебе, в твоём сознании. Своё «Я» и надо познавать.

Список литературы

1. Tyrysckina Jelena. Любовный аффект в ранней лирике Рюрика Ивнева / Tyrysckina Jelena // Slavica Wratislaviensia. – Wrocław, 2014. – CLV111.
2. Кучин В. П. Пути и перепутья любви в зрелой лирике Рюрика Ивнева / В. П. Кучин // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2018. – № 3. – С. 121–127.
3. Новикова М. В. Любовная лирика Рюрика Ивнева / М. В. Новикова, М. В. Саратова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2018. – № 3 (30). – С. 46–50.
4. Рюрик Ивнев. Избранное. Стихотворения и поэмы. 1907–1981 / Рюрик Ивнев. – М.: Художественная литература, 1985.
5. Рюрик Ивнев. Падение любви / Рюрик Ивнев // День поэзии. – М., 1979. – С. 224.
6. «Короткого, горького счастья всплеск...» Р. Ивнева: принципы означивания и механизмы формирования читательской реакции // «Південний архів: Збірник наукових праць. Філологічні науки». – Выпуск XL.
7. Тырышкина Е. В. «Формирование читательской реакции в лирике модернизма (В. Маяковский, Р. Ивнев): монография / Е. В. Тырышкина. – Изд-во НГПУ, 2013. – С. 67–113.

References

1. Tyrysckina Jelena. Ljubovnyj affekt v rannej lirike Rjurika Ivneva // Slavica Wratislaviensia. CLV111. Wrocław, 2014.
2. Kuchin V. P. Puti i pereput'ja ljubvi v zreloj lirike Rjurika Ivneva // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija, 2018, № 3, pp. 121–127.
3. Novikova M. V., Saratova M. V. Ljubovnaja lirika Rjurika Ivneva // Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki, 2018, № 3 (30), pp. 46–50.
4. Rjurik Ivnev. Izbrannoe. Stihotvorenija i pojemy. 1907–1981. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1985.
5. Rjurik Ivnev. Padenie ljubvi // Den' poezii. M., 1979. S.224.
6. «Korotkogo, gor'kogo schast'ja vsplek...» R. Ivneva: principy oznachivaniya i mehanizmy formirovaniya chitatel'skoj reakcii // «Pivdennij arhiv. Zbirnik naukovih prac'. Filologichni nauki. Issue HL.
7. Tyryshkina E. V. Formirovanie chitatel'skoj reakcii v lirike modernizma (V. Majakovskij, R. Ivnev). NSPU Publ., 2013, pp. 67–113.